

В том давнем деле было слишком много странностей, и многие в душе догадывались о причастности князя Чжао. Его амбиции никогда не скрывались, и после устранения Сяо Ципина самым вероятным кандидатом на место наследника становился Сяо Циюй. Однако Сяо Ципин, хоть и был молод, действовал крайне осмотрительно: избегал всех, кто был связан с князем Чжао, и всех дел, которые могли бы его задеть, чтобы не навлечь на себя беду. Но даже при всей этой осторожности в итоге Сяо Ципин проиграл на всех фронтах.

Соперничество принцев не было редкостью, и после случившегося виновник был очевиден, но ни доказательств, ни свидетелей не было. Даже когда слухи разнеслись по всему городу, в резиденции князя Чжао царило спокойствие, а отношение Сяо Яня к Сяо Циюю не изменилось из-за сплетен.

Из всех товарищей по учёбе в Восточном дворце Хань Гуан, несомненно, был самым близким к Сяо Ципину. Он начал служить ему с самого начала и в последующие годы стал самым доверенным человеком. Даже когда Сяо Ципин потерял влияние, Хань Гуан продолжал писать ему письма, хоть никогда и не получал ответов, а в праздники неизменно отправлял в Восточный дворец целебные снадобья.

Он очень заботился о глазах Сяо Ципина, но за эти годы они так и не поправились.

— С тех пор как я уехал на службу в Янчжоу, меня не было в Цзиньлине, и все былые связи и осведомители пропали. Я всё это скрывал от Его Высочества и лишь с трудом нашёл ниточку... Я давно об этом думал, но всё же...

Тут голос Хань Гуана дрогнул, он сдавленно всхлипнул, но, тут же осознав свою слабость, налил и залпом выпил ещё одну чашку.

Су Янь не знал, что сказать. Он раньше смутно слышал об этом от Сяо Цичэня, а теперь, вспоминая прежний облик Сяо Ципина — всё такого же мягкого и спокойного, но словно лишённого внутреннего огня, — не мог не чувствовать глубокого сожаления. Тот, казалось, уже смирился с судьбой, и все его честолюбивые помыслы померкли вместе с этим.

Он открыл рот и спросил:

— Значит... у вас есть доказательства, брат Хань?

Хань Гуан печально покачал головой. Сяо Цичэнь вздохнул:

— Все знают, что это князь Чжао, но без доказательств как мы сможем отомстить за старшего брата Пиня? Разве мы тоже подкупим его слуг, чтобы они его отравили?

Хань Гуан, человек чести до мозга костей, был ошеломлён. Увидев слёзы в его глазах, Сяо Цичэнь сказал:

— Если мы не можем ответить тем же, то нужно строить более долгосрочные планы. Как он смог нанести удар нашему старшему брату? Я не верю, что при его осторожности не осталось никаких следов.

Эти слова встряхнули Хань Гуана и заставили Су Яня вспомнить прошлое. Пока он размышлял, Хань Гуан спросил:

— Ваше Высочество помните того евнуха, которого в итоге обвинили?

Сяо Цичэнь ещё не успел ответить, как Су Янь перебил:

— Это тот, кого звали Жуйци? Разве он не был виновен?

— Он, конечно, не избежал ответственности. Я позже отправил людей проверить его дядю. Он был из Хучжоу, родом из Ханьдани. Его старший брат был главой семьи, но, отправившись по торговым делам, попал в руки разбойников. Семья не смогла собрать выкуп, и его убили. Этот человек хотел отомстить за брата, но, не сумев прокормить всех детей, после смерти жены продал младшего племянника в Цзиньлин, а сам вернулся в Ханьдань.

— После продажи в Цзиньлин, вероятно, произошли какие-то события, и Жуйци был кастрирован и отправлен в дворец Ланьсю. Через некоторое время он провинился, плакал в сторонке, а затем был найден Его Высочеством. — Тут Хань Гуан горько усмехнулся:

— Тогда я только поступил на службу и был рядом с Его Высочеством, но не обратил на это внимания, думая лишь, как он добросердечен.

Су Янь уловил намёк:

— Значит, с того момента Жуйци уже...

Ведь дворец Ланьсю был резиденцией наложницы Ли, а князь Чжао часто навещал свою мать, так что его появление там не было странным.

Хань Гуан кивнул:

— Но это лишь мои догадки, доказательств нет. Яд, который получил Его Высочество, был не в еде, а в той деревянной Гуаньинь, что стояла в его спальне в Восточном дворце. Шестой принц, вы помните, когда её подарили и кто её принёс?

Деревянная Гуаньинь была не буддийской статуэткой, а зелёным растением, стройным и изящным, похожим на бамбук, но с листьями. Она была настолько заметной, что Сяо Цичэнь, немного подумав, вспомнил: в спальне Сяо Ципина действительно был такой необычный живой предмет.

— Помню, её подарила госпожа Инь, на пятнадцатый день рождения старшего брата. Говорили, это диковинка с Южного моря, а она всегда увлекалась фэншуйем... Получив такую редкость, сразу же и преподнесла её старшему брату.

Госпожа Инь была матерью самой младшей принцессы Хуэйян, очень любимой наложницей, с весёлым и прямодушным нравом, но при этом невероятно тактичной и щедрой. Слуги и евнухи во дворце её очень уважали. Даже Сяо Цичэнь, редко с ней общавшийся, знал о её хорошей репутации.

Лицо Хань Гуана стало серьёзным:

— Именно госпожа Инь. Возможно, она была не в курете и сама стала жертвой, а возможно, у неё были свои планы. Сама деревянная Гуаньинь не ядовита, но её стебель выделяет бесцветную жидкость без запаха, которая издалека выглядит как капли росы и очень красива. Но жидкость эта странная. Я долго вёл расследование и узнал, что на Южном море есть поверье: деревянная Гуаньинь и сандаловое благовоние от природы враждебны друг другу. Если они долго находятся вместе, в воздухе рождается некий токсин, вызывающий слепоту.

Сяо Цичэнь был настолько поражён, что онемел, но в голове его быстро промелькнула другая мысль.

Су Янь, очевидно, подумал о том же и высказался первым:

— Такой метод не мог прийти в голову евнуху. Даже если кто-то его научил, разве он мог знать, какое благовоние использует Его Высочество?

— Именно, — подтвердил Хань Гуан. — Его Высочество обычно не любил окуривать покои благовониями, так что сандал мог попасть к нему только через одежду, пропитанную заранее. Это было бы менее заметно, но эффект — тот же. Я полагаю, кто-то из его окружения считал сандал успокаивающим, поэтому не препятствовал, но ведь Жуйци раньше занимался именно этим...?

Су Янь добавил:

— Его Высочество ему доверял, но, кажется, до такой работы его ещё не допускали.

Услышав это, Хань Гуан нахмурился:

— Вот это я и не могу понять. Это дело затрагивает многих, и все они — важные персоны. Кому, кроме князя Чжао, была выгодна смерть Его Высочества...

Он погрузился в размышления. Су Янь взглянул на Сяо Цичэня. Тот выглядел совершенно спокойным, перебирая в пальцах арахис. Се Хуэй тоже сохранял вид полной отстранённости, уткнувшись в вино и притворно вздохнув:

— Ваше Высочество, вы точно не будете пить? На вкус очень жгучее, но послевкусие сладкое и приятное.

— Чем лучше вино, тем сильнее его действие. Побереги себя, брат Чжунгуан, — сказал Сяо Цичэнь, и было неясно, кому именно он это говорил. Его взгляд на мгновение затуманился, затем он повернулся к Хань Гуану и серьёзно произнёс:

— Брат Хань, согласно вашим словам, деревянную Гуаньинь подарила госпожа Инь, Жуйци мог быть человеком наложницы Ли, а их интересы связаны с князем Чжао, поэтому за всем стоит он. Но есть ли у вас другие доказательства или свидетели?

Хань Гуан запнулся:

— Это...

Сяо Цичэнь продолжил:

— Если их нет, то нельзя строить голословные обвинения. Время ещё есть. Пока старший брат Пин живёт спокойно, никто его не тревожит, и мы можем расследовать не спеша. В будущем у меня будет больше возможностей участвовать в государственных делах, и если вам понадобится помощь, обращайтесь. Я всё ещё живу в Тайчэне и могу найти повод навестить госпожу Инь — вы понимаете, что я имею в виду?

Своими словами он развеял главные сомнения Хань Гуана, и тот с облегчением сказал:

— Тогда благодарю Ваше Высочество!

— Насчёт деревянной Гуаньинь, я думаю, нужно начать с тех, кто был рядом с князем Чу в те дни, — вдруг заговорил Се Хуэй, показывая, что он уже на их стороне. Он говорил размеренно и чётко:

— Сандал и деревянная Гуаньинь... Лёд толщиной в три фута не за один день образуется. Разве императрица, с её сильным характером, не проверила тогда всё досконально?

Все замолчали. Каждый знал, что в тот год Восточный дворец перевернули вверх дном, и этот скандал прогремел по всему городу, но в итоге всё закончилось ничем — для императрицы это был оглушительный удар по лицу. С тех пор она стала болезненно подозрительной, реагируя на малейшие мелочи, и даже затронула Сяо Цичэня.

Однако сейчас Сяо Цичэнь выглядел совершенно спокойным. Он закинул в рот тот самый арахис и невнятно пробормотал:

— Понял. Как-нибудь я её спрошу. Не верю, что она, желая найти настоящего виновника, будет ещё и меня обижать.

<http://bllate.org/book/15940/1424997>